

иммунитете и Конвенции ООН об иммунитете государств и их собственности. Аналогичный подход отражен в хозяйственном процессуальном законодательстве Республики Беларусь, что следует из ст. 239 Хозяйственного процессуального кодекса.

Иммунитет государства частично преодолевается согласием на арбитраж, выраженным государством в форме арбитражного соглашения, содержащегося в контракте с инвестором, национальном законодательстве, международном соглашении о защите инвестиций. Общепринятым является мнение, в соответствии с которым согласие государства подразумевает снятие исключительно судебного государственного иммунитета, который предупреждает рассмотрение спора против государства в суде другого государства [3, с. 90]. Соответственно, его недостаточно для беспрепятственного осуществления исполнения решения.

Таким образом, хотя обе системы призваны свести к минимуму участие национальных судов и ограничить препятствия на стадии признания и приведения в исполнение для выигравшей стороны, они не ликвидируют все барьеры, в том числе, связанные с принципом иммунитета государства.

Литература

1. Dolzer, R. Principles of International Investment Law / R. Dolzer, Ch. Shreuer // Oxford. – 2 ed. – 2008. – 456 p.

2. Ogutu, Bernard Is Sovereign Immunity the Achilles Heel in enforcement of investment treaty awards against states? [Electronic source]. – Mode of access: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:1321744/FULLTEXT01.pdf>. – Date of access: 19.04.2021.

3. Попов, Е. В. Проблемные вопросы исполнения решений в сфере международного инвестиционного арбитража против суверенных государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/e80/enforcement-of-investment-arbitral-awards-for-large-amounts.pdf>. – Дата доступа: 19.04.2021.

4. Бессонова, А. И. Признание и исполнение решений международных инвестиционных арбитражей: монография [Электронный ресурс] / А. И. Бессонова // СПС «КонсультантПлюс».

Понятие и основные подходы к общеправовой регламентации искусственного интеллекта

*Черкас А. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. Павлова Л. В., канд. юрид. наук, доцент*

Последние достижения человечества в области науки и техники обусловили возможность повсеместного использования человеком искусственного интеллекта (англ. – artificialintelligence (AI)) (далее – ИИ). ИИ постепенно стал

применяться во многих сферах жизни: образовании, медицине, экономике, военной сфере, промышленности, сельском хозяйстве, робототехнике и др.

В связи с таким интенсивным использованием машин, обладающих ИИ, вопрос о надлежащем правовом регулировании общественных отношений, возникающих как по поводу разработки и производства, так еще в большей степени применения систем ИИ, является достаточно актуальным. В том числе данный вопрос является насущным для уголовного права, призванного охранять наиболее важные общественные отношения и блага (например, жизнь, здоровье граждан) и предусматривающего применение мер уголовной ответственности к виновным лицам. В тоже время все чаще ставится вопрос об ответственности самих роботов и совершенствовании их правового положения.

При решении вопроса о правовой регламентации систем ИИ определенные трудности вызывает отсутствие единого доктринального подхода к определению понятия «искусственный интеллект». Причиной тому, на наш взгляд, является новизна данного понятия – термин «искусственный интеллект» был введен лишь в 1956 г. Одним из определений ИИ является следующее: «искусственный интеллект – это наука и технология, включающая набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний давать ответы на вопросы и делать на базе этого экспертные выводы, т.е. получать знания, которые в него не закладывались разработчиками» [1, с. 130]. П. М. Морхат определяет искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе био-кибернетическую, систему (юнит), наделенную/обладающую способностями и возможностями, среди которых автор называет способность мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т.д. [2, с. 69].

Для юриспруденции вопрос правовой обособленности и самостоятельности систем ИИ является одним из первоочередных, подлежащих решению для определения надлежащих механизмов правового регулирования отношений, в которые включаются системы ИИ. Как показывает анализ научных работ по данной тематике, признание систем ИИ субъектами права и определения перечня прав и обязанностей, которыми они могут обладать, является дискуссионным.

Сторонники точки зрения о возможности и, что важно, необходимости придания роботам, обладающим ИИ, статуса субъекта права говорят о нескольких вариантах придания такого статуса [3; 4; 5]: 1) рассмотрение систем ИИ по примеру правового положения животных; 2) придание системам ИИ правового статуса юридического лица или же аналогичного ему; 3) придание системам ИИ правового статуса совершенно нового субъекта права

(получившего название «электронное лицо»). Последний вариант решения вопроса о правосубъектности ИИ был предложен Парламентом Европейского союза в 2016 году [5]. В данном законопроекте предусматривается возможность возложения на так называемых умных роботов (которые способны учиться, приобретая новый опыт и адаптируя свои поведение и действия к окружающей среде) ответственности за совершаемые ими действия. При этом исследователями выделяются такие права юнитов ИИ, как право на неприкосновенность, подразумевающее, что любые изменения, модификация, форматирование либо ликвидация юнита искусственного интеллекта (или комплементарного – достаивающего до единого целого – с ним его программно обеспечения) могут быть осуществлены исключительно только с санкции уполномоченного органа власти, а несанкционированные подобного рода действия квалифицируются как преступление против «электронной личности» и пр. [6].

В противовес приведенным точкам зрения исследователи, выступающие против признания систем ИИ субъектом права, в качестве аргумента приводят отсутствие у систем ИИ ряда элементов, характерных для индивида и составляющих правосубъектность. Сторонники данной позиции зрения говорят о том, что системы ИИ не обладают такими качествами, как душа, сознание, чувства, интересы и т.д., являющимися существенными для субъектности физических лиц. Если система ИИ демонстрирует поведение, которое может быть свидетельством перечисленных качеств, это означает, что система имитирует поведение человека, «но симуляция вещи – это не сама вещь» [7, с. 121].

Вариативность представленных точек зрения свидетельствует о поиске наиболее оптимального решения вопроса о правовой регламентации отношений, в которые включены системы ИИ. Интерес к данной теме подтверждает ее актуальность, которая вряд ли будет утрачена в ближайшее время, поскольку развитие систем ИИ имеет важное значение для всего мирового сообщества [8]. Уделение внимания системам ИИ с позиции национального права, и в частности – уголовного, объективно востребовано, и будет продолжено с учетом того решения, которое устоится в вопросе о системе ИИ как субъекте права.

Литература

1. Пройдаков, Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Э. М. Пройдаков // Науковед. исслед. – 2018. – № 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta>. – Дата доступа: 13.04.2021.
2. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Морхат; под ред. И. В. Понкина. – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

3. Каргаполова, Н. Г. Домашние животные как источник повышенной опасности / Н. Г. Каргаполова, Т. В. Мельникова // Основ. тенденции развития Рос. законодательства. – 2011. – № 6. – С. 44.

4. Буюгов, Г. П. Искусственный интеллект как юридическое лицо / Г. П. Буюгов, В. В. Зайцев // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: материалы межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 8 дек. 2017 г. / Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2017. – С. 467–471.

5. Европарламентарии могут предоставить роботам юридический статус [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170114/1485715425.html?inj=1>. – Дата доступа: 13.04.2021.

6. Соколова, М. Коллизии «права роботов» [Электронный ресурс] / М. Соколова // itWeek. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514>. – Дата доступа: 13.04.2021.

7. Дремлюга, Р. И. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против / Р. И. Дремлюга, О. А. Дремлюга // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 120–125.

8. Павлова, Л. В. Техноэтика и вопросы искусственного интеллекта с точки зрения уголовно-правовой науки / Л. В. Павлова // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности: сб. ст. / Следств. ком. Респ. Беларусь; редкол.: С. А. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 214–218.

Интерпретация конституционных прав под влиянием цифровизации

*Чернецкая Н. С., аспирант БГЭУ,
науч. рук. Демичев Д. М., д-р юрид. наук, профессор*

В настоящее время мы являемся свидетелями активного перехода общественных отношений к цифровому формату. Развитие цифровых технологий в Республике Беларусь является национальным приоритетом и одним из важнейших драйверов социально-экономического развития [1, с. 167]. Эти эволюционные изменения оказывают существенное влияние на фундаментальные права человека и их правовое регулирование.

Перемещая права человека в цифровую сферу, они приобретают свою цифровую интерпретацию. Так, конституционное право на объединение (ст. 36 Конституции Республики Беларусь) [2] в условиях цифровизации можно интерпретировать на уровне объединения в интернет-сообщества, социальные сети, тематические группы в социальных сетях и др.

Право на подачу электронных обращений в государственные органы можно конкретизировать как конституционное право на личное или коллективное обращение в государственные органы (ст. 40 Конституции Республики